

Рафаэль Хакимов

Куда путь держишь, татарин?

Грядет новый съезд татар. На нем доложат о достижениях, которых немало, но скажут и об упущенных возможностях. Выберут новых руководителей Всемирного конгресса татар, и жизнь пойдет своим чередом, а мы вновь останемся один на один со своими тревогами. Сабантуй недолог...

Мне как-то выпал случай написать серию статей под названием «Год упущенных возможностей». Шуму было много... На днях знакомый журналист вспомнил эти статьи и спросил: «Не хотел бы я их повторить?». Не трудно напомнить то, в чем я оказался прав и о чем предупреждал, но вот, мол, не послушались и т.д. и т.п. Написать не сложно. Но какова была в то время моя доля ответственности? Тоже вопрос. Меня самого часто упрекали за упущенные возможности. Видимо, ждали большего. Людям свойственны завышенные ожидания от людей и от времени.

Критиковать несложно...

Размышления – это не критика и не самокритика, но и не покаяние. День покаяния («Тауба») обязательно организуют священнослужители. Принесут ли их молитвы спасение? Покушение на муфтия Татарстана показало, что радикальный ислам вырос не на татарской почве, он привнесен из других стран. А ведь именно муфтии России сами же и посылали неокрепших шакирдов учиться в чужие страны. С чем вернулись ученики? Тауба...

Один день покаяния, как и один день сабантуя не принесет спасения. Наши великие предшественники Марджани, Юсуф Акчура, Габдулла Тукай, Садри Максуди, Гаяз Исхаки, Муса

Бигиев, Мирсаид Султан-Галиев и еще целая плеяда блестящих идеологов были убеждены, что XX век станет эпохой возрождения татар, для этого они проделали титанический труд. Кажется, они нашли путь спасения, но ход истории коварен, он не находится в руках наиболее достойных, попадая в руки тех, кто не щепетилен в выборе средств. От кого сегодня зависит судьба татар?

«История рассудит», – так говорят обычно, но историю, выражаясь фигурально, пишут люди, а новое поколение не очень прислушивается к урокам истории, предпочитая совершать ошибки заново.

«Тотальная» история: кто мы такие?

Все мы задумываемся над тем, какой след можем оставить в жизни, будь-то родная деревня, республика, страна. Человек, если он не совсем очерствел, обязательно думает об этом, по крайней мере, на склоне лет. Да и молодые люди нередко ищут смысл жизни, свои корни, исторических героев. Им нужны символы.

Для татар история – особая тема, в чем-то щепетильная, в чем-то болезненная. Почему мы татары, а не болгары? Если мы из Азии, то почему похожи на европейцев? Почему о нас пишут в учебниках всякие гадости и изображают хитрыми, жестокими, дикими, хотя в средние века, когда вся Европа пребывала в нищете, болезнях, междоусобице и бездорожье, татары уже строили города, создали единую финансовую систему, соединили дорогами Европу с Азией? Почему, нас, живущих на территории России более тысячи лет, задолго до появления русских, называют завоевателями русских земель? Много вопросов, отвечать на которые по большей части означает оправдываться за то, чего не совершал. Нет идеального, образцового народа, который демонстрировал бы только добродетель. Но трудно найти другой народ, чью историю оболгали бы до такой степени, как у татар.

Как бы ни складывалась история в прошлом, мы получились татарами со всеми достоинствами и недостатками. Все эти споры о том, что мы не татары, а болгары носят исключительно идеологический, и даже заказной характер. Мы есть и будем татарами!!! Все остальное от шайтана.

У татар и болгар – одни гунно-тюркские корни. При этом сами гунны, а затем тюрки были собраны из разных племен. До возвышения болгар (кстати, это политоним, а не этноним) на Волге, местные тюркские племена прожили историю не в одну сотню лет. Задолго до возникновения Булгарского государства на Волге уже существовал Тюркский каганат, в становлении которого татары (отуз-татар, токуз-татар и др.), приняли самое активное участие. Точкой исторического отсчета для нашего народа нельзя считать Казань или Булгар, VIII или X век. Татаро-булгарская цивилизация имеет более глубокие корни, а порой его след теряется в недрах Евразии. Но мы можем уже сегодня ясно говорить не только о множестве племен, участвовавших в формировании татар, но и обозначить некоторые значимые вехи: Тюркский каганат, Булгарское государство, Золотая Орда, Казанское ханство, реформация в XIX–XX вв., учреждение Татарской автономии и объявление суверенитета Татарстана. На каждом этапе народ приобретал новые качества, повышал свою культуру, включал в свой состав новые племена или распадался на этнические группы. При этом какая-то часть крови досталась от древних тюрков, другая от болгар, кипчаков, огузов, финнов и т.д. Наш народ такой же сложносоставной, как и все современные нации.

Татар беспокоит искаженный исторический образ народа, представленный в официальной историографии, в частности, в учебниках. Конечно, власть имеет возможность навязывать свои представления благодаря монополии на утверждение учебников и финансирование желательных версий истории. Российская власть ищет идеологическую опору в истории, которую традиционно трактует как победу над врагами и здесь

татары стоят на первом месте. Но сегодня становится все труднее скрывать историческую правду. Попытки очернить Золотую Орду, в чем упражняются московские публицисты, только подогревает интерес к ней. Радует, что среди российских историков растет желание узнать истину о так называемом татаро-монгольском иге.

Для татар небезразлична судьба России, поскольку она не чужая для нас территория. Именно в этой стране складывались татары как нация в древности и средние века, а также в новейшее время. Российская историческая наука, оказавшись между идеологическими требованиями власти и научными данными, зашла в тупик. Старые клише перестали работать, поскольку нужно дать ответы на простые вопросы: Россия – государство русских или полиэтническая федерация? Иначе говоря, за отправную точку нужно брать русскую этничность или нынешнюю территорию с многообразием ее древних народов? Если начинать историю с Киева, то придется выяснять отношения с Украиной, у которой своя позиция по вопросу исторической роли «матери городов русских». Если признать Россию полиэтнической, то окажется, что большинство народов намного древнее русских, значит, история страны начинается с востока, а не с запада.

Пытаясь отыскать начало зарождения Древней Руси, ученые обращаются к Великому Новгороду, Ладоге, викингам, которые по своей культуре и торговым интересам были ближе к скандинавским племенам, нежели славянским. Если же за основу брать не норманнский, а славянский компонент, то историю русских, украинцев, белорусов не разделить, а Киев надо признать истоком русских, чего не хотят в Москве. А ведь задолго до появления Киева и Великого Новгорода (IX–X вв.) на нынешней территории России уже в VI в. существовал Тюркский каганат, а затем еще ряд тюрко-татарских государств. Зачем нам искать сомнительную норманнскую основу России, если есть очевидный тюрко-татарский, финно-угорский след,

на который накладывается славяно-русская культура. Достаточно изучить историю появления крупных городов Поволжья, Урала, Сибири, и обязательно обнаружится татарский культурный слой, а если вчитаться в источники по Древнему Киеву, то там всплывут тюркские племена (торки, берендеи, черные клобуки). Нынешняя трактовка истории России не может предложить версию, способную сплотить народы страны вокруг общих ценностей.

Однажды мне по долгу службы пришлось объясняться с высоким начальством в Москве. От его звезд на погонах слепило глаза. Он был озабочен учреждением Куликовской битвы в качестве общероссийского праздника и ждал от татар согласия. Официальная трактовка этой злополучной битвы далека от истины и возведение внутривосточных разборок в Золотой Орде в праздник единения народа современной России выглядело бы, по меньшей мере, странным. Мне как директору Института истории им. Ш.Марджани соглашаться было невозможно.

– Мне понятны ваши сомнения насчет трактовки Куликовской битвы в учебниках, – заметил высокий начальник. – Ученый мир до конца не разобрался с ее значением. Собственно, и место Куликовской битвы до конца не установлено, но для России она имеет символическое значение.

Символическая победа над символическим врагом для поднятия духа русского народа. А как же живые татары? Об этом в столице не думают. Им нужна победа над каким-нибудь врагом. Праздник на этот раз не состоялся...

История татар поучительна, но насколько мы готовы извлечь из нее уроки? В ней были взлеты и падения, которые мы склонны оправдывать различными внешними причинами. Нельзя, подражать российским политикам, любящим сваливать вину то на татар, то на коммунистов. Причины наших проблем в нас самих. Из истории хорошо видны сильные и слабые черты нашего народа. Татары по своей природе государственники.

Не случайно возник Тюркский каганат, такие тюрко-татарские государства, как Кимакский каганат и Булгарское государство. Исключительную роль для судеб многих народов, включая русских, сыграла Золотая Орда, переплавившая многие племена в один татарский народ. Затем долгие годы существовали на карте мира татарские ханства. Это громадный опыт.

Татары – торговый народ, а значит, заинтересован в мире и стабильности, а вовсе не в войнах и разрушениях, как например, шайки викингов. Татары по своей природе созидатели и реформаторы. Наиболее яркой страницей в новейшей истории стала татарская реформация, получившая название джадидизма. Это стало периодом отхода от средневековья и вступления в современный мир со своими принципами и ценностями. Самой характерной чертой, отражающей суть татар и их вклад в мировую культуру, выражено в великом слове ДЖАДИДИЗМ!!!

Дело джадидов, к сожалению, было прервано в советское время и только «перестройка» вдохнула новые надежды. Она позволила повысить статус республики, но татарская мысль оказалась в растерянности, увлекаясь то абстрактной демократией, то вознося рынок как средство обогащения, то вновь погружаясь в исламское средневековье. При таком-то идейном наследии!

Татары много жалуются на разобщенность народа, тратят силы и интеллект на затяжные споры друг с другом, в которых погублены многие замечательные начинания. Страсть к пустым, порой деструктивным спорам идет от неизжитых традиций схоластики. Старые кадимистские медресе готовили шакирдов одолевать противника в диспуте. Они учили пустым спорам ради споров, просто болтовне, в то время как надо было заниматься делом. Думать учили джадидские медресе. К сожалению, схоластические традиции не только сохранились, но и поддерживаются священнослужителями, выучившимися в отсталых исламских странах. Эта склонность к никчемным спорам прижилась и в научном мире, публицистике. Люди начинают отстаивать свою

позицию только ради того, чтобы ее отстаивать, они защищают не высокие цели народа, а свой социальный статус, будь-то в религии или же науке.

Особенность нашей интеллигенции заключается в оторванности от жизни и склонности к поучениям. С одной стороны сказывается не преодоленная до конца схоластика, с другой – влияние русской интеллигенции, выросшей и воспитанной как духовная оппозиция власти. К сожалению, и среди татар выросла когорта гуманитариев, специализирующаяся на свержении любых идеалов в обществе и государстве. На критике ради критики специализируются не только отдельные ученые, но и целые издания. Дело дошло до очернения подвига Джалиля, а кое-кто собирался «атаковать» Тукая. Для критиканов ничего нет святого. С такой критикой куда же мы дойдем?! Стыдно...

В нашей стране отсутствует западная традиция инкорпорации в государственные структуры специалистов из университетов. В Европе университеты изначально были помощниками власти и источниками новых веяний. Они учили делу, поскольку университет как социальный институт вышел из ремесленной корпорации, постепенно превратившись в научное учреждение. В Россию университет привнесли из Германии, его насаждали как орган европейского влияния. В итоге университеты стали не только научными и образовательными учреждениями, но и очагами вольнодумства. В этом была благотворная сторона ученого мира, но она же создавала опасения у власти.

В сложившейся сегодня дистанции власти и университетов виновата как профессура, чаще всего совершенно оторванная от жизни, также и власть, относящаяся к ученым с большой долей настороженности. Государственные чиновники в советский период готовились в партийных и государственных учебных заведениях и были пропитаны коммунистической идеологией. В годы «перестройки» не столько университеты и ученые стали во главе преобразований, сколько сами же партийно-государственные структуры, быстро перекусившиеся из коммунистов в

демократов. Власть искала общий язык с интеллигенцией не на почве конкретных дел, а на почве идеологической борьбы за рыночную экономику. Демократам ельцинской формации нужна была собственность, а чтобы оправдать свою политику приватизации и «шоковой терапии» нужен был враг в лице коммунистов. Для борьбы с врагами и пригодились гуманитарии, склонные к критиканству. И сегодня не произошло сближения гуманитарной науки с практической жизнью, ведь власть использовала интеллигенцию для идеологических споров, а не для дела.

Сегодня разговоры о средневековых традициях могут показаться странными, ведь многие татары пересели на шикарные автомобили, не расстаются с мобильными телефонами, пользуются самыми современными компьютерами, но мышление цепко держится за средневековые каноны. Самое характерное для средневекового мышления – это слепое следование авторитету, будь-то в жизни, в религии, идеологии, политике. Власть Татарстана смотрит на Москву, ислам – на Мекку, бизнесмены – на США. Все ищут образцы для подражания и не заглядывают в собственную душу. Детей отправляют учиться в невежественные арабские страны или же чуждую Великобританию. Работу ищут в Европе, Москве, Казани, а если остаются дома, то чувствуют себя ущербными. В результате через мечети проникает дремучее невежество, через бизнес – жадность, через государственные структуры коррупция и низкопоклонство.

Учиться надо у разных народов и культур, но ответы на свои вопросы мы найдем в собственной истории. Традиционно историю татар и Татарстана выстраивают вокруг событий, происшедших в Казани или крупных городах. Остальное пространство остается как пустое поле, “terra incognita”. Это недостаток всей исторической мысли. Но человеку интересна также история его рода, деревни, города. Человек формируется в своем окружении. Вначале его воспитывает семья и ближайшее окружение. Затем он выходит в широкий мир. Именно так рождались великие

личности, как Тукай или Джалиль, Шаляпин или Горький. Язык, культура, трудовые будни и праздники формируют будущую личность. И крайне важно, чтобы микроистории деревень, городов, районов нам подсказали, как строить свое будущее. «Тотальная» история нашего народа – это огромное богатство, чей потенциал не использован в полной мере. Эту историю не написать силами одного или двух академических институтов, это труд всего народа. Микроистории населенных пунктов «Большого Татарстана» нам позволят не только сформировать чувство гордости за свое место рождения, но и объяснят, как рождаются великие личности, ведь Лобачевский или Марджани появились не в Лондоне, а на нашей казанской земле. Чего же мы ищем за рубежами? Галимджан Баруди считал правильным воспитывать на своей родной почве, но также думают выдающиеся умы у других народов. Известный британский социолог Карл Манхейм, обсуждая проблемы приспособления западного образования к новым общественным потребностям, пишет: «Образование формирует не человека вообще, а человека в данном обществе и для этого общества». Примечательно, что Манхейм критикует британское либеральное образование, куда стремятся посылать учиться детей из России. Британская дидактика позволяет выпускникам легко приспособиться к условиям западных стран, но не России. В этом причина ее популярности, в то же время для тех, кто собирается жить в своей стране, нужна своя система образования, не хуже западной, но пригодной для выживания в пространствах Евразии. Она, прежде всего, должна быть национальной, а затем уже российской и в последнюю очередь религиозной, как дополнение к светскому образованию.

Татарам, чтобы увидеть ориентиры, цели и задачи, достаточно заглянуть в свое прошлое, чтобы понять, в чем смысл предначертанного свыше пути. Наши гиганты мысли многое продумали, многое обсудили, но, к сожалению, не успели воплотить в жизнь из-за крутых поворотов судьбы.

«Зират бит ул, сабантуй тугел»

В 1980-е годы, когда уже чувствовалось дыхание «перестройки» Сибгат Хаким как-то сказал: «После нас останутся одни шабашники». Пришло это время. На историческую сцену вышли шабашники, которые себя гордо называют «рыночниками».

Сибгат Хаким жил в среде бессеребренников таких, как Хасан Туфан, Амирхан Еники, Накый Исанбет, другие хрестоматийные фигуры. Пожалуй, сегодня их назвали бы простачками, не приспособленными к жизни, чудаками «не от мира сего». Однако, и в то время были те, кто неплохо устроился в жизни, но «властителями дум» были не шабашники. Хасан Туфан писал:

*Не мочи меня дождик тайком,
Не шепчи про подметку худую.
В этот мир я пришел босиком,
Ничего если также уйду я.
Не мочи меня дождик тайком.*

Служить своему народу, не думая о башмаках, было их кредо. Они следовали заветам Тукая. Именно они были хранителями духа народа.

Что же так вдруг изменилось у татар, почему все они бросились в объятия «Золотого тельца»? Неужели общая российская безыдейность могла так повлиять на наш народ или сами татары по природе такие?

Мы не всегда задумываемся над тем, зачем люди изучают, например, вселенную, вкладывая громадные деньги. Вновь открытые галактики не имеют рыночной стоимости, их не продашь, до них не долетишь, их не присвоишь. Нельзя же за естественное желание познать Вселенную платить «бешеные» деньги. Кстати, немцы, американцы, больше всех тратящих средства на новые телескопы на земле и в космосе, весьма прагматичные люди, даже где-то прижимистые, они знают це-

ну деньгам и не сорят ими как «новые русские». Значит, наши «рыночники» не понимают простой вещи – не все в жизни меряется на базарных весах.

Историю определяют не материальные и финансовые ресурсы и даже не силовые или государственные органы, а дух народа, интеллект, уровень знаний и, конечно же, моральные нормы. Если не будет внутреннего стержня, тех ценностей, которые выше повседневных потребностей, то самое могущественное государство очень быстро превратится в археологический объект. Дух народа и дух наживы прямо противоположные, взаимно уничтожающие вещи. Они несовместимы. Дух наживы разрушителен, дух народов всегда созидателен. Татары сохранились, потому что сохранили национальный дух.

До революции, так называемые «ак байлар» (честные предприниматели) тратили огромные деньги на образование, постройку мечетей, благотворительность? Они жили по Корану в отличие от многих имамов в прошлом и настоящем. Честный бизнес позволял работать, не подводя, а поддерживая друг друга. Вокруг них возникал ореол доверия, и они могли реализовывать крупные проекты. Их махалля выполняла функцию, аналогичную английскому клубу, куда принимают бизнесменов с высокой репутацией. Медресе, поддерживаемые честными предпринимателями, готовили шакирдов, годных для дела и служения народу. По сути дела, «ак байлар» вкладывали деньги в будущее, и это оправдалось, ибо с разрушением прежней экономики после революции знания и навыки шакирдов остались с ними.

История нам преподносит поучительные примеры. Богатства дореволюционных предпринимателей были разграблены советской властью, конфискованы или растеряны в годы гражданской войны. Татарские предприниматели даже не смогли вывести сбережения за границу. Что же осталось от их деятельности следующим поколениям? Только культура, в которую вкладывались меценаты, не равнодушные к интересам на-

рода, остался от того времени интеллектуальный уровень, помогающий людям даже сегодня определяться в жизни. Смысл исторического урока заключается в следующем: надо вкладывать деньги и силы в образование (не английское, а свое собственное). У татарского народа можно отнять права, богатства, лишить многих структур, запретить свою прессу как в советские времена, можно отобрать все до последней нитки, но нельзя отобрать знания.

Рассуждая о современной культуре татар, мы забываем роль предпринимательства, которое стало толчком тектонических сдвигов в татарском мире. Татар пробудили не революционеры, не бунтари, не богословы и не просветители, а честные предприниматели, которые нашли совестливых имамов и самоотверженных учителей, посвятивших себя воспитанию нового поколения татар, европейски образованного, предприимчивого, терпимого к другим взглядам и религиям, а главное преданного своему народу. В условиях давления царской власти, в окружении христианского мира и монархических традиций, татары благодаря их энергии выбрались из длительного средневековья на просторы современной цивилизации. Если мы сегодня можем гордиться именами выдающихся общественных деятелей, писателей, богословов, то только благодаря громадному вкладу предпринимателей, стоявших с ними в одном ряду. Это великий подвиг. Мы ставим памятники поэтам, политикам, ученым и редко отмечаем выдающихся бизнесменов, отдававших значительную долю прибыли и энергии делу просвещения народа.

Сегодня, оценивая роль того или иного социального института в судьбе народа, мы в полной мере должны взвесить роль не только предпринимателей, но и в целом экономики, которая не может стоять в стороне от интересов народа. В свое время Галимджан Ибрагимов предложил формулу «Язык определяет культуру», на что Султан-Галиев ответил другой формулой: «Культуру определяет экономика, а язык является лишь над-

стройкой экономической базы». Отсюда он сделал вывод: «если хочешь иметь “национальную” культуру, то добивайся в известной системе национальной экономики, состояние которой определяет и состояние самой национальной культуры со всеми ее надстройками, независимо от того, в какой государственной системе развивается данная национальность – буржуазно-капиталистической или советской». Модернизация промышленности, сферы услуг, науки в гораздо большей степени влияет на идейные представления, чем все мечети и общественные организации. Сравниться с экономикой может только система образования и, конечно же, накопленные духовные ценности.

Помня формулу Султан-Галиева, нужно различать экономику для республики и народа от бизнеса, пренебрегающего национальными и республиканскими интересами. Важен эффективный механизм повышения благосостояния всех татар и всего народа Татарстана, а не кучки «долларовых миллионеров», которые в своем абсолютном большинстве думают о том, как нажиться за счет республики и народа. Им швейцарский банк роднее любой родни. Они не предмет национальной гордости. Их удел бахвальство.

Сегодняшние идеологи и публицисты представляют дело так, будто все зависит от рынка, а на рынке, якобы, как в джунглях побеждает сильнейший. Жестокость и ненасытность стали восприниматься как добродетель. На рынок начали молиться как на икону. Однако, экономика не сводится к рыночному механизму, а сам рынок, вне морали, норм и идеологии, представляет собой разрушительный механизм. Он может сметить с лица земли любой народ, не имеющий прочных социальных ценностей. Если рынок не заковать в идеологические обручи, он разнесет всю страну в клочья, а народ атомизирует, всех сделает врагами друг друга, и будут «долларовые миллионеры» метаться как молодые волки в поиске еще одного живого куска.

Любят повторять крылатые фразы Бенджамена Франклина: «время – деньги», «кредит – деньги», «деньги могут родить деньги». При этом забывают или не знают, что он требовал ограничения рынка строгими моральными нормами: «тому, кто точно платит, открыт кошелек других», если ты честный человек, то «это увеличивает твой кредит», и т.д. Он не призывал обогащаться любым способом.

Рынок становится положительным инструментом, если работает на твой народ и страну. Менее всего здесь помогут проповеди в храмах или лекции в университетах. Высокая мораль становится частью культуры благодаря семейному и школьному воспитанию и, конечно же, через экономический интерес, когда честный бизнес становится выгодным благодаря высокой конкурентоспособности. Один из путей обуздания дикого рынка заключается в создании клубов предпринимателей, как это принято на Западе. У татар существовал не менее эффективный институт под названием «татарская махалля», где собирались честные предприниматели, открывали современную школу и джадидскую мечеть. Такая махалля создавала дополнительный авторитет предпринимателям и позволяла успешно работать по всей России. Сегодня вокруг многих мечетей возникли малые предприятия, но это всего лишь форма прикрытия частного бизнеса, далекого от исламских идеалов.

На одной из встреч с читателями, меня спросили: «Зачем я испортил отношения с Духовным Управлением?». На что я ответил вопросом:

- Скажите откуда у Госман-хазрета столько коттеджей?
- Свыше, от Аллаха, – крикнули из зала.

Почему-то Аллах одаривает только священнослужителей, но не всех своих рабов. А если опустится с небес на землю, то возникает законный вопрос: «На какие деньги строятся такие коттеджи?» На садака, предназначенной для раздачи бедным, их строить нельзя, а на зарплату – не получится. Кто же подкармливает наших имамов? Вопрос небезобидный.

В большинстве развитых стран религия, моральные нормы направляют энергию рынка на благо страны, а ислам выпал из этого процесса и стал воплощением отсталости, противником прогресса, источником фанатизма. Объяснение кроется в его схоластическом характере, оторванности от конкретных проблем жизни и доминировании религиозных интересов над национальными. Многочисленные книги для мусульман полны неумным восхвалением ислама и арабского языка, указующими фетвами на все случаи жизни, рассуждениями о таких пустых вещах, как классификация ангелов, правильности пить стоя или сидя, и т.д. и т.п. Эти книги будто написаны для того, чтобы увести человека от решения насущных проблем. Никакой критики исламских стран, которые сегодня демонстрируют ужасы братоубийственной войны в нарушении всех канонов религии, а ведь книги утверждают, что эти мусульмане живут, якобы в «правильных» странах, они совершают пять раз молитвы, читают Коран в оригинале на совершеннейшем арабском языке, а затем берут в руки автомат Калашникова и с криком «Алла акбар!» убивают других «неправильных» мусульман. Более двуличной литературы не сыскать во всем мире. Когда ислам становится идеологией, он превращается в источник радикализма, он уже не видит вокруг людей, а только различает «своих» и «чужих», «наших» и «врагов».

Руководители Татарстана и общественность любят искать компромиссы в трудных ситуациях. Во многих случаях это правильно. Но в вопросе о роли религии в судьбе татар не может быть половинчатых решений. Беспринципность ДУМ РТ уже привела к распространению радикального ислама в Татарстане. Дело дошло до терактов. Куда уж дальше! Но мы вновь слышим голоса, призывающие найти общий язык всем мусульманам на основе традиционного ислама. Все еще нет понимания природы радикального ислама, который не принимает компромиссы, для них: «Или ты с нами, или ты враг». Фундаменталисты вызубрили некоторые удобные для них цитаты из

Корана, но главное в их учении – методы борьбы с теми, кто не с ними, вплоть до физического уничтожения. С ними нельзя найти компромисса? Для них традиционный ислам – это салафизм в их собственной трактовке. А к чему это приводит мы видим на примере Дагестана, арабских стран, талибов.

От муфтията Татарстана мы слышим, что молодым людям нельзя самостоятельно читать Коран и Сунну, нужно слушать учителей, т.е. полуграмотных священнослужителей. ДУМ РТ превозносит традиционный ислам ханифитского мазхаба, который до революции называли кадимизмом. Это течение отличилось тем, что воевало с теми, кто стремился вывести татар на прогрессивный путь. Метод борьбы за чистоту ислама у кадимистов был прост – писать доносы на джадидов, причем некоторые из них числились в штате жандармских управлений. Особенно отличился лидер кадимистов Динмухамедов (Ишмишан), который снабжал кляузами жандармские управления различных губерний. По его указке в 1911–1912 годах были организованы массированные гонения на сотни мусульманских священнослужителей в Казанской, Пермской, Оренбургской, Самарской и Уфимской губерниях. Его ревностная травля джадидов вызвала обеспокоенность даже самих жандармов. Так, Начальник Уфимского жандармского управления в своем донесении на имя директора Департамента полиции от 15 декабря 1912 г. сообщал следующее: «Мулла Динмухаметов ярый противник всяких новшеств, как в области толкования мусульманских религиозных догматов, так и в области преподавания в мусульманских школах. Со всей силою своей схоластической эрудиции он обрушивается на так называемых джадидов, что в переводе значит “новометодисты”. К этой группе мулла Динмухаметов относит всех лиц, несогласных с ним мусульман... Написанные в тоне горячем, скорее в тоне религиозного бреда, пересыпанные текстами и изречениями из Корана, которые толкуются муллою Динмухаметовым совершенно произвольно в желательном для него духе, брошюры эти не могут не производить

впечатления на темные умы их читателей». Как это похоже на сегодняшних защитников чистоты ислама – объявлять врагами всех, кто не согласен с ними. Многочисленные доносы кадимистов, хранящиеся в архивах, демонстрируют всю глубину их нравственного падения. Это позорная страница в истории татар.

Председатель Совета муфтиев России Равиль-хазрет однажды перед представителями Всемирного конгресса татар гордо заявил: «Ислам сохранил татар!» Отнюдь, все было как раз наоборот – татары сохранили ислам, а Равиль-хазрет снес святую для татар мечеть в Москве. Не отреставрировал, не превратил в музей, а снес, чтобы забылись татарские корни ислама в России. Равиль-хазрет снес мечеть, якобы за ветхостью. С такими аргументами можно и башню Сююмбеки снести, как опасную для гостей Казани. До сих пор Совет муфтиев России терпит Равиль-хазрета. Они с ним заодно.

Многочисленные муфтии России собирают татар и устраивают перед народом спектакль, где демонстрируют заморские одежды. Вокруг них толпятся молодые девушки в каких-то арабских одеждах, бородатые мужчины в пакистанских белых балахонах. Муфтият Татарстана разъясняет, будто чалма символизирует саван, в то время как это обычный азиатский головной убор. Разве в Коране сказано, как нужно одеваться? Не сказано. Другой муфтий, из другого муфтията, размахивая саблей, утверждает, что построившему мечеть наперед прощаются все его грехи. При этом он обильно цитирует Коран на арабском языке, видимо, для подкрепления своих слов авторитетом Аллаха. В каком, интересно, Коране он прочел об этой чепухе? Не удивлюсь, если муфтии скоро начнут раздавать индульгенции по сходному тарифу...

Все эти переодевания ряженных муфтиев преследуют одно – отделить себя от народа. Если имамы с народом, зачем им рядиться в одежды бедуинов? Зачем девушки, называющие себя татарками, кутаются в платья как матрешки, будто надвигается песчаная буря? Они стыдятся татарской одежды. Разве она хуже

безвкусных и бесцветных арабских одеяний? Нет, не хуже. У нас собственные замечательные традиции, которыми можно гордиться и показывать в исламских странах как пример подлинной красоты! А задача имамов проповедовать наши, а не заморские традиции.

Куда же ты путь держишь, татарин?

Преувеличение роли ислама в судьбе татар стандартный прием святош, живущих за счет народа. Каста священнослужителей всегда была одной из наиболее консервативных слоев общества, а когда она объявляет религию идеологией, это становится опасным, ибо приводит к нетерпимости и конфликтам. Однако на наше счастье уже в конце XIX века значение просвещения, литературы, публицистики, газет и журналов стало решающим. Достаточно сослаться на творчество Тукая, чью роль трудно преувеличить. Одно его единственное стихотворение «Родной язык» гораздо важнее, чем все молитвы сомнительных имамов, заполонивших наши мечети. Тукай призывал татар проснуться и сам в значительной мере этому содействовал. Он стал рупором всех джадидов, которые вместе с честными предпринимателями обеспечили духовный подъем татар в XIX–XX веках. Современные татары сформированы именно на этой культуре, а не традиционных кадимистских догматах. Именно джадиды, опираясь на национальные интересы, провозгласили отказ от таклида (следования авторитетам) и примат иджтихада (свободомыслия). Они хорошо знали русскую и немецкую систему образования, многие из них учились в Бухаре, Стамбуле, Каире, Сорбонне, но затем, разочарованные зарубежным образованием, возвращались в родное село, чтобы учить детей размышлять о собственном татарском пути. Они создали свою педагогику, пригодную для условий России и татарского мира.

Недавно мне посчастливилось побывать в одной деревне в Башкортостане. Тамошний имам показал мечеть и похвалился, что у него есть небольшой класс. Летом, мол, приезжают дети

на каникулы. Он учит их, шесть детей в течение двух месяцев татарскому языку и основам ислама. Он не думает о заполняемости класса, оптимизации, над ним нет указующего перста Министра России. Он делает свое дело в меру своих сил. А ведь из этих шести детишек может появиться свой Марджани. Это оправдает все его усилия.

«Суверенитет умер?»

У меня нередко спрашивают: «Суверенитет умер?». Трудно однозначно ответить. Возможно, что идея исчерпала себя, а может ее реанимация зависит от конкретных людей...

От суверенитета ждали многого. Одни хотели независимости Татарстана, другие оценивали суверенитет с позиции получения дополнительных привилегий, налоговых послаблений для республики. Третьи в нем видели механизм развития татарской культуры и языка, равенства и справедливости народов. Сегодня притягательность суверенитета ослабла.

Наше поколение хорошо или плохо, но выполнило свою миссию. Поднялся статус и авторитет республики, татары вновь стали политическим фактором. Суверенитет дал возможность республике встать на ноги, забрать союзную собственность в свои руки, оградить Татарстан от жадных московских олигархов. Налоговые послабления 90-х годов помогли становлению экономики республики, позволив развить инфраструктуру.

Суверенитет республики стал тем знаменем, который определял поведение не только политиков, он вдохновлял многих на замечательные творческие порывы. Этот дух инициативы еще жив, хотя многие начали посматривать на Москву, как указующий перст или на границу, куда можно было бы уехать за лучшей долей. Трудно сказать, кто проглядел этот поворот в настроении людей. Но вместе с суверенным Татарстаном выросло новое поколение, родившееся в годы надежд и свершений. Это – достойная смена.

Конечно, за эти годы появилось немало тех, кто сумел на волне суверенитета сделать себе карьеру или набить карманы. Без этого история не бывает – кто-то работает в «поте лица», а кто-то хитрит и ворует, считая себя самым умным. Это порождение безумного рынка, погони за «Золотым тельцом», на который начали молиться как на божество, и, конечно же, результат деидеологизации, лишаящей народ моральной опоры.

Любопытно, что во времена «золотой лихорадки» в Калифорнии те, кто добывал золото, так же быстро его «спускали», никто из них не смог создать приличный бизнес. Их дети тоже не сумели воспользоваться плодами отцов. Богатство и известность Калифорнии принесло не золото, а «Силиконовая долина», где собирались лучшие умы со всего мира и расчетливые бизнесмены, умевшие изобретения ученых воплощать в жизнь.

Татарстан в результате «парада суверенитетов» оказался втянутым в большую политику. Республика в принципе не может жить вне политики, поскольку она – ведущий регион, а татарский народ – важный политический фактор в стране. Можно представить себе небольшую область страны вне серьезной политики, но не Татарстан. Политика позволяет создать хороший имидж и повысить инвестиционный рейтинг республики, она придает новые возможности для татарского народа по всей России. «Рыночники» призывают забыть политику и заняться «делом», т.е. зарабатывать деньги, но экономика вне политики – всего лишь мелкий бизнес или же личное обогащение. А большая политика не только большие деньги, но и гарантия достойного будущего Татарстана и татарского народа.

Решение Конституционного суда РФ, запретившее само слово суверенитет применительно к республикам, многие восприняли как «промисел Божий», наведение порядка с помощью «вертикали власти». Для России это очень характерно. Политику «закручивания гаек» в России можно изобразить в виде синусоиды, где волны ужесточения власти сменялись бунтами, восстаниями, революциями, после чего наступал пе-

риод ограничения произвола и относительных свобод. Однако очередной монарх или руководитель страны с новой силой пытался централизовать управление. Эта политика терпела крах и история повторялась. Достаточно вспомнить, как после необузданного произвола Ивана Грозного наступили времена «Смуты» и вся страна фактически распалась на отдельные территории. После диктатуры «первого большевика» Петра, началось бегство крестьян в казаки на Дон, Урал, в Сибирь, а восстания под социальными и религиозными знаменами довели страну до полной неуправляемости. В результате Екатерина II была вынуждена дать свободы мусульманам. Затем эти периоды повторялись, но уже в виде заговоров. Политика перешла от монархов к казарме, дворцовым переворотам и клановым интригам. Наконец, Петр Столыпин с его видимостью реформ, и откровенной реакционной политикой довел страну до революционной ситуации и окончательному краху монархической системы. После катаклизмов гражданской войны и небольшой демократической передышки, в ходе которой появилась Татарская автономия, наступил период тоталитаризма, закручивания «гаек» до предела. В ответ страна получила «перестройку» и распалась. Но в соответствии с «синусоидой» вслед за периодом творческого порыва различных «суверенитетов» наступило «похолодание». Все полномочия стянули в центр и «вертикаль власти» торжественно провозгласила абсолютный суверенитет. В свое время лорд Актон прославился благодаря знаменитой фразе: «Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно». «Вертикаль власти» оказалась на практике произволом коррупционеров. Колесо истории сделало оборот, но не остановилось. Теперь следует ожидать децентрализации.

Очевидно, федеральный центр не смог проглотить все взятые у регионов полномочия, но и не хочет их отдавать субъектам, поскольку это связано с финансовыми потоками, которые сегодня регулируются из Москвы и в значительной части оседают там. Этот переизбыток полномочий парализует всю сис-

тему управления. Если власть не проведет реальную децентрализацию, то по «закону Столыпина» наступит революционная ситуация, ведь любая политическая реакционность пробуждает в народе ответный бунт, бешенство революции. Одно порождает другое. Уже сегодня ощущается веяние «цветных революций». Спасение от них может принести вторая волна «парада суверенитетов». Причем, особо в этом нуждаются регионы – потенциальные доноры, которым не дают использовать свои внутренние резервы для социально-экономического развития.

Роль Татарстана как локомотива федерализации России понятна и исключительно важна. Что можно ждать татарам России от неминуемой децентрализации? Для татар демократия всегда была выгодна, поскольку даже незначительные права и послабления народом использовались для укрепления культуры и предпринимательства. «Перестройка» предоставила огромные возможности и породила новые надежды. Не случайно в 1990-е годы высказывались различные «национальные» идеи, вплоть до создания «татарского правительства», что предполагало более тесную увязку культурной политики республики с потребностями татар по всей стране. Многие идеи оказались утопичными. В республике сумели записать в Конституцию и Договор между РТ и РФ 2007 года статью о поддержке культуры татар в России, но не сумели ей в должной мере воспользоваться. Ни ВКТ, ни национально-культурные автономии дальше проведения сабантуй подняться не сумели.

Татары ждали от республики помощи, требовательно, с упреком. А республика ждала от татар поддержки. Надо изменить парадигму и спросить себя: «Что мы можем дать друг другу?» До революции в период бурного развития татарского мира в экономическом и культурном плане Российское государство было враждебно настроено к татарам, особенно со стороны Столыпина, но жизнь не остановилась. Всю систему образования, просвещения, газеты и издательства поддерживали предприниматели. Почему сегодня мы ждем милости от федеральной и респуб-

ликанской власти? Татары сильны своей самостоятельностью и независимостью от государства. Важно создавать работоспособные законные структуры на местах, независимо от помощи властей. Не только национально-культурные автономии, они могут быть объединениями по интересам – деловым, культурным, образовательным и т.д.

Что такое «государственность» в широком смысле? Это – соединение обустроенной территории (с собственностью на землю) и административной власти. Любая обустроенная территория – это потенциальное место для размещения производства, развития сферы услуг, образовательных и культурных учреждений. Значит, если где-то в России есть район, город или деревня с преимущественным татарским населением, которое способно обработать землю, правильно ее использовать и создать на этой территории эффективное управление, то мы имеем ячейку татарской «государственности». Не имеет значения, какая у нее «суверенность». Любые полномочия – это кусочек «суверенитета» и их можно использовать для дела. Вся хитрость состоит не в поддержке «долларовых миллионеров», а в содействии малому, семейному бизнесу, объединению его не столько вокруг администрации, сколько в рамках «татарской махалли» с совестливыми имамами и честными предпринимателями. Не надо ждать постройки татарской школы администрацией, можно уже сегодня в «татарской махалле» обучать татарскому языку и культуре, что исключительно важно для противодействия радикальному исламу.

Расширение прав республики, бесспорно, стратегическая задача, но не менее важным является «суверенность» всего татарского народа. Это звучит несколько фантастически, но в условиях демократии появляется возможность использовать любые законодательные нормы для создания своих маленьких «автономий» не только в сфере культуры, но и экономике, администрации на муниципальном или поселковом уровне, наконец, виртуальные сообщества через Интернет. Возможность объединения

по интересам поможет появлению новых идей и новых личностей на всех поприщах жизни. Это повысит выживаемость татар и подстегнет творческий потенциал народа. А для координации усилий достаточно выработать общие принципы, ценности и нормы общения. Невозможно и не нужно управлять этим процессом. Вместо татарской «вертикали власти» достаточно иметь внятные общие цели и принципы. Создание архипелага татарских «автономий» без централизованного управления, без указующего перста из Казани или Москвы – путь укрепления татарского народа, ее суверенности в XXI веке.

A handwritten signature in black ink, consisting of a large, stylized initial letter followed by several smaller, connected strokes.